

Продолжая эту традицию, Г. Мелконян представляет в своей книге армянский перевод четырех сирийских источников: «Историю Адиабены» Мшихи-Зехи, «Хронику» Иешу Стилита, «Хронику» Псевдо-Захарии Митиленского и третью, сохранившуюся часть «Церковной истории» Иоанна Эфесского. Все эти памятники относятся к VI в. Необходимость такого подбора продиктована тем, что армянская историография, столь богатая в V в., в следующем столетии не дала ни одного сочинения. «История Адиабены» сообщает интересные подробности об одном из древних центров христианской культуры, способствуя тем самым освещению некоторых идентичных явлений в соседних странах, в частности, в граничащей с Адиабеной Армении. Хроники Иешу Стилита и Псевдо-Захарии являются ценнейшими источниками по истории византийско-персидских отношений в конце V—начале VI в. Поскольку конфронтация двух великих держав в течение длительного времени происходила в Месопотамии и Армении, то эти источники, помимо общеполитических содержат сведения и о внутренней жизни этих стран. В «Истории» Иоанна Эфесского византийско-персидским отношениям, но уже в постюстиниановское время, также посвящены многие страницы. Значительное место занимает в ней и религиозная политика Константинополя по отношению к монофиситам восточных областей империи.

Переводы указанных памятников снабжены примечаниями и специальными историко-филологическими очерками, в которых Г. Мелконян сообщает необходимые данные о жизни и деятельности их авторов и об использованных ими источниках. В этих очерках дается историографическая характеристика хроник, а также изучены многие другие вопросы. В частности, при анализе «Истории» Мшихи-Зехи затрагиваются вопросы о распространении христианства в Адиабене (с. 40—56) и об армянских источниках по истории этой области (с. 56—60); в очерк о «Хронике» Иешу Стилита включены параграфы: «Хроника и события в Армении» (с. 133—143) и «Армянские источники о событиях VI в.» (с. 143—148); в разделе, посвященном «Хронике» Псевдо-Захарии, обсуждаются следующие проблемы: «Хроника и религиозные вопросы» (с. 237—248) и «Сирийский компилятор как источник по истории варварских народов» (с. 249—255), а в разделе, посвященном «Истории» Иоанна Эфесского, — «Сведения Иоанна Эфесского об армянах» (с. 356—379). Таким образом, благодаря этим разделам, переведенные источники получают и свое историографическое разъяснение в той мере, в какой это может удовлетворить армениста.

Л. А. Тер-Петросян

W. H a h n. *Moneta Imperii Byzantini*, Bd. 1—2. Wien, 1973—1975, 141+42+XIII; 146+40+XIII.

Все до сих пор издававшиеся каталоги византийских монет, включая и самые поздние (см. ВВ, XXX, 1969, с. 285 и сл.; ВВ, 37, 1976, с. 283—286), были в своей сущности обзорами той или иной коллекции, хотя и с известными дополнениями по иным собраниям. Книга австрийского нумизмата В. Хана построена по новому принципу, который можно было бы назвать не коллекционным, а эмиссионным. Ученные изделия распределяются по царствованиям, далее по материалу (золото, серебро, медь) и, наконец, по официнам (монетным дворам). Таким образом воссоздается картина всех типов монеты, чеканившейся в Византии (и в соседних странах — по образцу Византии).

Публикация складывается из списка монетных типов (в особом разделе указывается, в каком собрании представлены те или иные монетные типы), фотографического изображения каждого типа и удобных обзорных таблиц чеканки, показывающих, какие виды монеты выпускались каждый год всеми монетными дворами. Публикация предваряется сжато сформулированными сведениями относительно организации монетного дела, метрологии, датировки монет, а также характеристикой монеты для каждого царствования. Первые два тома охватывают время от Анастасия I до падения Фоки (491—610), т. е. преимущественно VI столетие. Помимо собственно византийской монеты, учитывается чеканка остготов и вандалов.

Преимущества сводной работы Хана перед коллективными каталогами очевидны, хотя, разумеется, отдельные уточнения и дополнения возможны, и автор предполагает включать в каждый последующий том поправки к предыдущему. Поскольку Хан не упоминает публикации В. В. Кропоткина,¹ учитывающей ряд находок, не входящих в издание И. Толстого (использованное Ханом), возникает, в частности, вопрос, в какой степени монетные находки на территории СССР вовлечены в круг внимания автора. Так, Кропоткин отмечает по крайней мере пять находок золотых монет Анастасия I (№ 133, 138, 141, 313, 473), из них только одна поступила в Эрмитаж, на собрание которого ориентирована публикация Толстого.

Задача Хана состояла в том, чтобы собрать и классифицировать типы византийской чеканки, и эта задача выполнена. Однако историка интересуют не только форма и место монетной эмиссии: важно знать, сколько монет того или иного типа сохранилось и — ориентировочно — сколько было выпущено, далее — куда проникала ви-

¹ Кропоткин В. В. Клады византийских монет на территории СССР. М., 1962.

зантийская монета и до какого времени обращались те или иные ее типы (т. е. состав и география кладов). При подготовке генерального каталога византийских монет нужно, видимо, не ограничиваться эмиссионной задачей, но ставить также и исторические цели. Работа Хана — значительный шаг к подготовке такого каталога, но при его подготовке необходимо учитывать и методы исследования, разработанные Кротопкиным. «Исторический» метод в очень большой степени свойственен также и работе М. Ф. Хенди, посвященной византийской монете конца XI—XIII вв. (см. ВВ, 33, 1972, с. 239—241). Если Кротопкин исходил из данных, относящихся к определенному ареалу находок, то Хенди подошел к материалу, как и Хан, с генерализирующими позициями, однако он не ограничивал себя проблемой эмиссии, но уделил пристальное внимание функционированию монеты в византийской экономической и социальной действительности.

А. К.

D. Papanthou. Actes du Prôtaton. Paris, 1975 («Archives de l'Athos», VII), XIII+320 p., XL pl.

Очередной том «Архивов Афона», подготовленный Д. Папахрисанфу, содержит 14 актов, относящихся к Афонскому протату — от сигиллия Василия I 883 г. до грамоты прота Козмы 1500 г., а также несколько документов, помещенных в Приложении. Все акты, за исключением двух поздних заметок из архива Ватопеда (Приложение II), уже были изданы ранее, и многие из них давно введены в научный оборот. Однако далеко не все из них известны в научных изданиях: Папахрисанфу не только исправляет частные ошибки своих предшественников, но в некоторых случаях публикует текст по оригиналу, а не по поздним копиям, как это имело место ранее (например сигиллий патриарха Нифонта от 1312 г. — № 11). Издание оригиналов строго соответствует дипломатическим принципам, вплоть до графического размещения надстрочных знаков.

Акты Протата по своему составу отличаются от обычных монастырских архивов Афона: основное место среди них занимают документы, регламентирующие организацию монашеской жизни на Св. Горе (сюда относятся прежде всего уставы Иоанна I Цимисхия, Константина IX Мономаха и Мануила II Палеолога — № 7, 8, 13), и грамоты императоров и патриархов, где рассматривается общее положение Афона. Непропорционально большое — в сравнении с другими архивами — место занимают здесь ранние акты — конца IX и X в. (шесть первых грамот, не считая устава Иоанна Цимисхия, т. е. половина всех документов). Эти ранние акты весьма существенны для изучения социальной структуры Византийской империи: в них мы встречаемся с земледельцами, вступающими во время тяжбы от лица «всей сельской общины» (№ 4.7—8, 942 г.); с распродажей эпитом Солуни класм¹, которые переходят в собственность (№ 4. 16, 24. Об этой продаже см. также № 5.11—12, 942/3 г.) земледельцев; с попыткой монахов монастыря Иоанна Колову не только подчинить себе всю Афонскую гору, но и поставить подвизающихся на ней аскетов «под свою парикию» (№ 2.22—24, 908 г.) — этот один из наиболее ранних случаев упоминания византийской парикии заслуживал бы специального комментария. В ранних актах встречаются два важных термина — «харистикий» и «пропия», однако еще не в их техническом значении, характерном для более позднего времени. Согласно грамоте 908 г., монахи монастыря Иоанна Колову в начале царствования Льва VI сумели обманчивым путем получить «документ о пожаловании» (χαριστικῆς τόπου), в результате чего установили свое господство на Афоне (№ 2.9—13), — издательница, ссылаясь на работу Э. Арвейлер, рассматривает эту «харистикию» как дарственную грамоту (с. 183). В той же грамоте говорится, что монахи Колову должны «пользоваться таким же попечением (προνοίας) (как и обитатели Афона) и (=но) обладать собственностью (κατέχειν) только в округе Иериссо» (№ 2.7—8; ср. № 3. 9—10, 934 г.). Для изучения социальной стратификации византийского общества на рубеже IX и X вв. весьма важен сигиллий Василия I, где выделяются следующие общественные категории: «от стратигов, царских людей до последнего человека, наделенного службой (βουλίσιαν), а также частные лица и крестьяне, вплоть до работающих на мельнице» (№ 1.12—14); иначе говоря, общество представляется законодательно состоящим из чиновников разных рангов и простолюдинов. Большой интерес представляет также хрисовул Романа I и Константина VII, изданный в 934 г., т. е. одновременно с новеллой Романа I в защиту «бедняков»: хрисовул из архива Протата заставляет задуматься над тем, кого именно имело в виду правительство Романа I, говоря о «бедняках»; он, во всяком случае, защищает афонских старцев от «притеснений, ангарий и поборов» со стороны епископов, архонтов и им подобных (№ 3.13—15). Если епископы и архонты полностью соответствуют «динамам» в законодательстве Романа I, то афонские старцы, по естественной оппозиции к ним, занимают место «убогих». Наконец, грамота 908 г. способствует лучшему пониманию термина «проастий», неоднократно вызывавшего споры: в ней говорится, что монахи Колову пытались использовать Афон как «пастушеский

¹ О класме см. также: Осипова К. А. Система класм в Византии в X—XI вв. — ВО, 1961, с. 174—185.